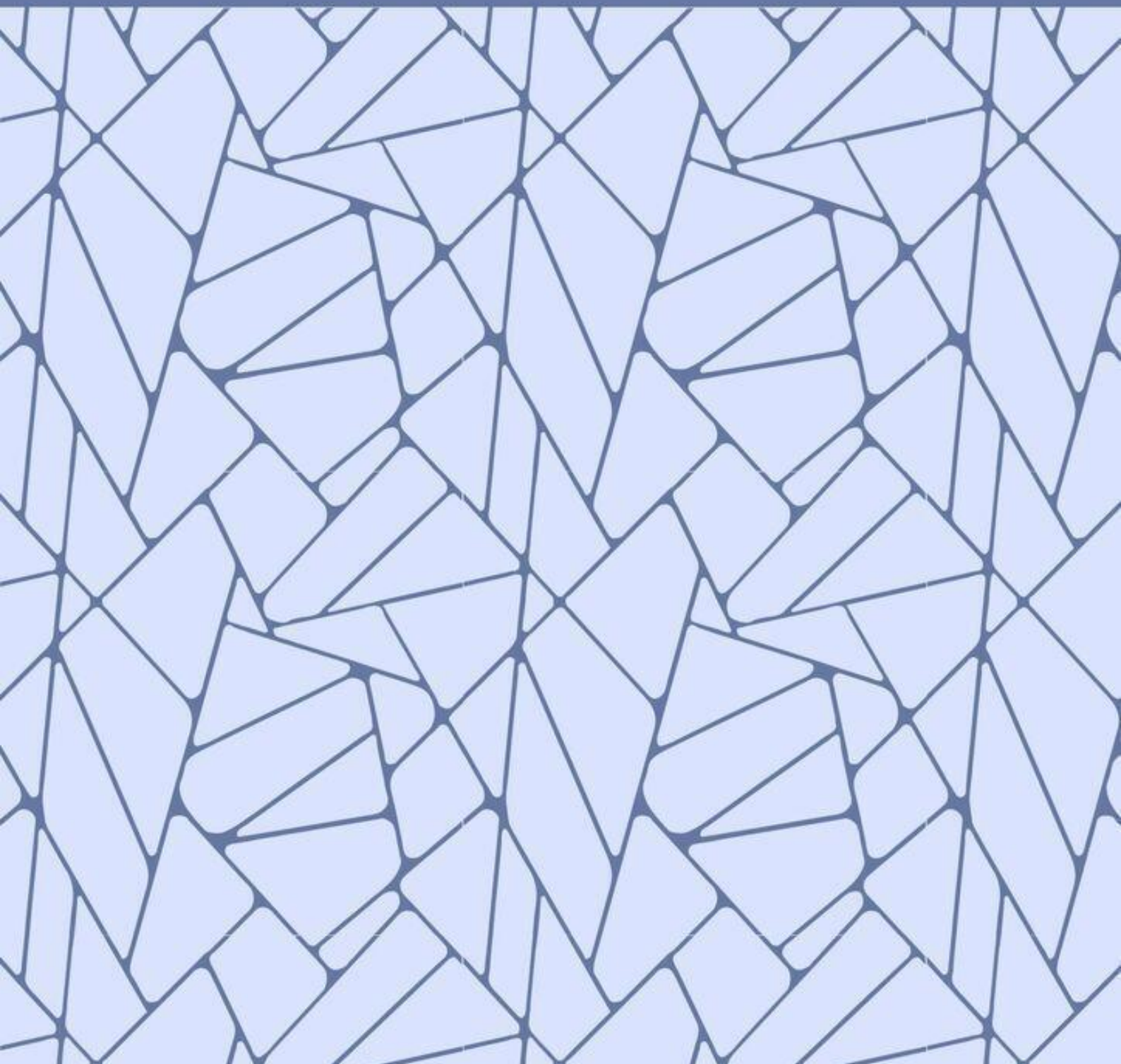
12+

Павел М

Сигнал Лагранж

Павел М

Сигнал Лагранж

«Издательские решения»

М П.

Сигнал Лагранж / П. М — «Издательские решения»,

В пустоте между Землёй и Луной, в точке Лагранжа, молчит заброшенная станция. Но однажды она выходит на связь. Короткий сигнал повторяется снова и снова, и расшифровать его удаётся только одному человеку.
Он ещё не знает, что за этим стоит: чья-то ошибка, древняя тайна или предупреждение, которое опоздало на годы.

© М П.
© Издательские решения

Содержание

Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Сигнал Лагранж

Павел М

© Павел М, 2026

ISBN 978-5-0071-5279-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор
Сигнал с Лагранжа
Часть первая
Сигнал
Глава 1
Глава первая. Первый сигнал

Станция «Лагранж-4», 2171, день 212

Бортовой журнал «Лагранж-4». Запись 212, 06:40. Тор вращается штатно, на внешнем ободе 0,6 g. Температура в садах 22 градуса, влажность 68 процентов. Тревог нет. На борту двенадцать человек, двое в медицинском отсеке на плановом осмотре.

Утро на станции начиналось не со звонка и не с новостей, а с шелеста. Нора Кирш слышала его каждый день уже шесть лет, с тех пор как перебралась из жилого кольца в тесную каюту у внешнего обода, и каждый раз он казался немного другим: гуще, когда вентиляторы сада гнали влажный воздух вдоль стеклянного свода, и тише, когда Лин Мэй выключала насосы полива, чтобы не мешать своим подсолнечникам тянуться к искусственному солнцу.

Она шла по кольцевой дорожке, и тор мягко поднимал её к центру и снова опускал к внешней стене. Так работала гравитация на «Лагранже-4»: станцию собрали из шести секций, раскрутили вокруг общей оси, и каждый шаг человека здесь переводился в усилие, которое тело помнило лучше головы. У обода она весила почти как на Земле без малого, а у оси могла бы, пожалуй, отпустить руку с поручня и повиснуть в воздухе, как в детском сне.

Станция стояла в точке Земля — Луна L4, на шестьдесят градусов впереди Луны по её орбите. Здесь притяжение двух тел уравновешивало друг друга, и поэтому «Лагранж» не падал ни на Землю, ни на Луну и почти не тратил топлива на то, чтобы оставаться на месте. Это первое, что объясняли школьникам на Земле, и единственное из школьной физики, что Нора помнила без усилия. Всё остальное пришлось переучивать заново: сначала в лунном интернате, потом в институте на орбите, а после — в расчётах, где ошибка в одну тысячную стоила месяца работы.

В саду пахло землёй и чем-то горьковатым, похожим на зелёный чай. Лин Мэй стояла на коленях у грядки с редисом и разговаривала с ним по-китайски, тихо, почти ласково. Увидев Нору, она подняла руку, испачканную в почве.

— Ты сегодня рано, — сказала она. — Лунная ночь ещё не закончилась, а ты уже ходишь.

— Меня ждёт Теодор.

— Тогда скажи ему, что редис не будет ждать, — Лин Мэй засмеялась и вернулась к своим грядкам.

Возле входа в сад стоял Ян Ковач, инженер шлюзов, с раскрытым щитком на груди. Он чинил вентиль подачи азота, насвистывал что-то из старых земных песен и, заметив Нору, поднял большой палец.

— Твоя лаборатория опять перегрелась, — сказал он. — Я уже объяснил Ханне, что охлаждение — это не трюк, а мы не в цирке. Она обещала не трогать контур.

— Она обещала, — сказала Нора.

— Вот и я о том же, — Ян улыбнулся и снова склонился над вентилем.

Обзорная палуба была пуста. По утрам сюда почти никто не приходил: люди предпочитали сад, а палубу оставляли для ночных вахт, когда в иллюминаторах можно было увидеть Землю без тёплых бликов солнца. Сейчас Земля висела справа — огромный бело-голубой диск, по краю которого тянулась тонкая полоска света. Ближе к центру расплывалась Луна, серая, пятнистая, с кратером Шеклтон, который был виден даже без увеличения. Нора не стала задерживаться. Она знала эту картину так хорошо, что могла бы нарисовать её по памяти, и каждый раз, проходя мимо, ловила себя на том, что ищет в ней что-то новое.

Утро было обычным. Ни одного сигнала тревоги, ни одного срочного запроса, только привычный гул станции, в котором каждый звук был на своём месте. Земля в иллюминаторах коридора менялась каждые несколько минут. Тор поворачивал станцию так, что край Земли то уходил вниз, то появлялся снова, и тогда казалось, что планета подтягивается к стеклу, как любопытный зверь. Нора помнила, как в первые месяцы на станции её пугало это ощущение падения вверх. Потом она привыкла и стала считать, сколько секунд Земля держится в стекле, прежде чем уйти. Выходило по-разному, но среднее всегда было около сорока двух. Цифра казалась ей случайной, и это её успокаивало: в мире, где всё рассчитано, нужна была хотя бы одна случайная вещь.

Комната наблюдений Б находилась в дальнем конце жилого кольца, за секцией лабораторий. Туда вела дверь с коротким списком допусков, и Нора, приложив ладонь к считывателю, услышала, как внутри щёлкнул замок. Станция считала время по-своему. Земля делила год на месяцы, с неравными днями и праздниками, которые приходились то на понедельник, то на субботу, а «Лагранж» жил по дням внутреннего календаря: двести сорок станционных суток в году, каждый день с номером, каждый номер с короткой записью в общем журнале. Дни были ровными, без праздников, но с ритуалами. Утром в саду, в полдень в столовой, вечером на обзорной палубе. Нора любила этот счёт. В нём не было ни «через месяц», ни «к концу квартала», только «сегодня» и «завтра», а это казалось ей честнее любых обещаний.

Теодор Ланг уже был на месте. Он сидел перед тремя экранами, держал в руках кружку с остывшим кофе и смотрел не на данные, а в окно, где медленно поворачивались звёзды, не моргая, как человек, который слишком долго что-то обдумывал.

— Ты не спал, — сказала Нора.

— Я вообще редко сплю, — ответил Ланг. — Ты знаешь, как это бывает, когда работаешь с далёкими объектами. Они не торопятся, а мы торопимся за них.

Ланг был старше её на шесть лет и выглядел старше на все двенадцать. Астроном с Земли, он прилетел на станцию по программе «Орфей» и прижился здесь так же прочно, как Марек Вольски, но в отличие от командира не любил, когда его вызывали по срочным делам. Он был хорошим наблюдателем и плохим человеком для споров. Нора уважала его за первое и осторожничала со вторым.

— Что ты нашёл? — спросила она.

Ланг вздохнул и повернул к ней один из экранов.

— Орфей-семь. Пришло в шесть двенадцать по станционному времени, по расписанию должно было прийти в восемь. Пакет из ретранслятора, но сам сигнал идёт не от ретранслятора, а от зонда. Его почти не слышно, Нора. Почти. В узкой полосе на тысяча четыреста двадцать мегагерц.

Она знала эту частоту. Водородная линия, двадцать один сантиметр. Тот самый сигнал, которым природа с первых дней астрономии разговаривала сама с собой, и который каждая

обсерватория Солнечной системы слушала по ночам, надеясь, что однажды он скажет что-то новое.

— Шум, — сказала она. — Или наводка.

— Я тоже так подумал. Сначала. Потом увидел структуру.

Ланг нажал клавишу, и на центральном экране развернулась спектрограмма. Тонкие полоски одна за другой поднимались и опускались, как зубцы гребня, и между ними были паузы разной длины. Нора наклонилась ближе. Паузы не были случайными. Она провела пальцем по экрану, сосчитала интервалы и на секунду перестала дышать.

— Два, три, пять, семь, одиннадцать, — сказала она. — Простые числа.

— Да. Девятнадцать, двадцать три, двадцать девять. Они идут по порядку, и никакой природный источник так не работает. Я проверил шесть вариантов шума, включая пульсары, нейтронные звёзды и отражения от пыли, и ни один не даёт такой ряд.

— Где кончается ряд?

— В этом и фокус. Он не кончается. Он обрывается через четыре минуты двадцать секунд, и дальше идёт вот это.

Ланг нажал ещё одну клавишу. На втором экране появился звуковой профиль: сначала широкая зона шума, потом узкая полоса, похожая на дыхание. Нора машинально прибавила громкость на наушниках, которые лежали рядом, и услышала короткий треск, будто кто-то чиркнул спичкой под водой. Затем тишина. Затем что-то похожее на вздох, и опять тишина.

— Это не всё, — тихо сказал Ланг. — Я не стал переводить сразу. Посмотри на последние три секунды.

Нора посмотрела. Спектр сузился, и в нём проступила неровная форма, напоминающая человеческий голос, который пытается говорить сквозь помехи. Голос был далёкий, как будто его пропускали через толщу воды, но в нём угадывалась интонация: спокойная, немного вопросительная, с мягким переходом на последнем звуке.

Дальняя сеть «Орфей» родилась из простого вопроса: что можно услышать, если терпеливо слушать пустоту? Семь зондов разошлись далеко за орбиту Нептуна, туда, где Солнце превращается в очень яркую звезду, а тепло почти не доходит. Каждый зонд был размером с грузовой контейнер, с круглой антенной, которую разворачивали, как ветку в ветреный день, и с приёмниками, которые пересчитывали шум космоса тысячами часов подряд. Передатчики у них были слабыми: питание давал радиоизотопный генератор, и на таком расстоянии каждый бит приходилось собирать по крупицам, как песок. Поэтому зонды не говорили сразу. Они складывали данные в память и отправляли пакеты, когда над ними проходил буй-ретранслятор на широкой орбите, а тот передавал их дальше, к лунным станциям и к «Лагранжу», где группа Ланга разбирала поток по ночам.

Ланг любил повторять, что такая сеть похожа на почту, которую доставляют пешком. Письма приходят поздно, но приходят. И если однажды в пачке окажется письмо, которое никто не отправлял, то это, по его словам, и есть самое интересное событие в жизни астронома.

Нора знала эту шутку и раньше смеялась над ней. Сейчас ей было не до смеха.

Она посмотрела на таблицу сдвига частоты. Для обычного источника, который неподвижен относительно станции, частота не менялась бы вовсе, но Орфей-семь двигался по своей орбите и давал небольшой допплеровский сдвиг, который менялся каждые несколько часов. В сигнале сдвиг был другим. Он был почти нулевым, как у предмета, который висит неподвижно в гравитационной яме. Нора знала, что в такой яме время течёт медленнее, чем на краю, и что любой сигнал, пришедший из глубины, несёт на себе отпечаток этой разницы. Но чтобы разница была такой маленькой при таком расстоянии, яма должна была быть очень глубокой, а таких ям в окрестностях Солнца почти не существовало. Почти.

— Ты видишь то же, что я? — спросил Ланг.

— Вижу, что сдвиг не совпадает с орбитой зонда, — сказала Нора. — Значит, либо он не на орбите, либо его кто-то удерживает.

— Или он сам себя удерживает, — пробормотал Ланг. — Это тоже вариант.

Нора не ответила. Она знала, что Ланг не любит шуток, когда речь идёт о работе, и знала, что эта фраза была не шуткой, а попыткой выговориться. Он провёл на станции восемь лет и привык к тому, что его открытия умещаются в одну строку отчёта, а остальное остаётся за кадром. Теперь за кадром осталось слишком много, и он не знал, куда его девать.

— Нам нужны другие зонды, — сказала она. — Или хотя бы второй канал от Орфея-шесть. Если они видели то же самое, мы не одни.

— Орфей-шесть молчит с прошлой зимы.

— Значит, нам придётся его разбудить.

Ланг посмотрел на неё с сомнением, но кивнул. Через минуту на экране появилась таблица запросов, и Нора начала составлять список команд, которые должны были уйти к далёкому зонду. Каждая строка была короткой и холодной, как ледяная крошка, и каждая могла стоить станции нескольких суток работы.

Программа декодирования пробежалась по полосе и выдала текст. Один слог, который она не сразу смогла прочесть, потому что буквы съехали в кривую линию.

Нора.

Она сняла наушники. В комнате было тихо, только шумел вентилятор охлаждения, и звук этот показался ей вдруг очень громким и совсем чужим.

— Это ошибка, — сказала она.

— Я тоже так думаю, — ответил Ланг. — Но ошибка не умеет произносить твоё имя.

— Ошибка может совпасть с именем. Имя короткое. Два слога, один звук, который похож на «о»…

— Нора, — сказал Ланг мягко. — Там не один слог. Там три, если слушать внимательно.

Она знала, что он прав, и не хотела этого знать. Она закрыла глаза и попыталась думать так, как учил её институтский профессор: по порядку, без эмоций, отделяя факты от того, что хочется увидеть. Факт первый: сигнал пришёл из системы Орфея-семь, которая находилась на расстоянии около семидесяти астрономических единиц от Солнца. Задержка света составляла почти десять часов. Факт второй: в сигнале есть структура, не похожая ни на один известный природный процесс. Факт третий: в конце структуры есть человеческий голос, и он произносит её имя.

— Что говорит программа о происхождении? — спросила она, не открывая глаз.

— Пока ничего. Зонд молчал полгода. Последний раз его телеметрия приходила с ошибкой в модуле питания, мы решили, что он вошёл в спящий режим. Сейчас он передаёт на частоте, которую никто не заказывал.

— Значит, кто-то его включил.

— Или он включился сам.

— Зонды не включаются сами, Теодор.

— Зонды не разговаривают, — сказал Ланг. — А этот разговаривает.

Нора открыла глаза и посмотрела на экран. Спектрограмма всё ещё висела перед ней, и в ней, если отступить на шаг, была видна та же структура, что и в начале: простые числа, пауза, дыхание, имя. Кто-то построил этот сигнал так, чтобы его нельзя было принять за шум и нельзя было пропустить.

— Сколько раз ты его прослушал? — спросила она.

— Двенадцать. Я сохранил копию. Вот здесь.

Ланг открыл папку с файлом, и Нора увидела в списке имя, которое сама не выбирала: «Нора_212_тест». Она не понимала, как программа назвала его таким образом. Потом сооб-

разила: декодер брал последние слова сигнала и подставлял их в шаблон. Машина сделала то, что делает всякая машина, когда ей дают неправильную подсказку.

— Удали это имя, — сказала Нора.

— Не могу. Оно уже в журнале.

— Тогда пусть будет в журнале. Но ты не отправляешь копию никуда, пока я не проверю спектр.

— Я уже отправил, — признался Ланг, и голос у него дрогнул. — Автоматически. Протокол требует, чтобы любой сигнал из дальней сети уходил на Землю в течение часа. Я просто не успел отменить.

Нора посмотрела на него долго, и он отвёл глаза.

— Теодор.

— Я знаю. Я понимаю, что это плохо.

На панели связи мигнул зелёный огонёк. Нора машинально повернулась к нему и увидела короткое сообщение от центра управления миссиями на Земле. Оно пришло почти мгновенно, хотя путь от Земли до станции занимал больше секунды. Текст был сухим, как всегда: «Получено. Элеонора Брайт».

Ланг выругался по-немецки, тихо и без злости, как ругаются старые люди, которые устали удивляться.

— Она уже знает, — сказал он.

Нора не ответила. Она смотрела на строку с именем, которое не должно было здесь появиться, и думала о том, что в юности её мать сказала ей почти то же самое, только другими словами: «Не верь тому, что говорит голос, пока не проверила, откуда он идёт». Мать ушла в экспедицию на лунный полюс, когда Нора была подростком, и не вернулась. Голоса из экспедиции звучали в её памяти ещё долго, пока не стали тем, чем и были на самом деле: записями, которые со временем затёрлись.

— Нам нужно проверить источник, — сказала она. — Сейчас же. Все параметры зонда, все команды, которые уходили на него за последние полгода.

— Это займёт дни.

— Тогда мы начнём сегодня.

Ланг кивнул и выключил звук. Но спектр на экране продолжал пульсировать, и в какой-то момент, когда Нора уже готова была отвернуться, новая полоска вспыхнула в самом конце сигнала. Она была тонкой, почти незаметной, и цвет её не совпадал ни с одним из шумов, которые Ланг перечислял.

Нора подалась вперёд.

Полоска держалась три секунды и погасла. За ней пошёл короткий набор импульсов, который не был ни числами, ни дыханием, ни именем. Программа попыталась его распознать и выдала один символ, а потом ещё один, и наконец на экране появились две слова, написанные так, как пишут люди, которые торопятся и боятся, что их не успеют прочитать:

Не ждите. Проверьте.

Ланг посмотрел на неё, и в его глазах она увидела то же, что чувствовала сама: страх перед тем, что уже нельзя будет вернуть.

— Это ты написала? — спросил он глухо.

— Нет.

— Тогда кто?

Нора не ответила. Она смотрела на две строчки и думала о своём сыне, который умер пятнадцать лет назад на тросовом лифте над Землёй, и о том, что он никогда не умел печатать быстро, а писал всегда слишком медленно и слишком аккуратно, будто каждую букву надо было выдавливать из себя по одной.

*** * ***

Вечером станция жила своей обычной жизнью. В столовой кухарка Ада Парк жарила рыбу из гидропонного пруда, и запах масла доходил до самых дальних кают. Сэм Окоро, пилот «Дидоны», играл с Анной Ренд в шахматы на старой доске, которую привёз ещё с Земли. Ханна Осе громко спорила с Юрием Гаевым о том, стоит ли менять фильтры в левом насосе, и никто не слушал их всерьёз.

Нора прошла мимо и села в конце стола, за которым никого не было. Она не ела. Перед ней лежал планшет с копией сигнала, и она снова и снова прослушивала тот самый вздох, пытаясь понять, есть ли в нём что-то кроме дыхания.

Ханна подсела к ней, не спрашивая разрешения, как делала всегда.

— Ты выглядишь так, будто тебе прочли приговор, — сказала она. — Говорят, из дальней сети пришло что-то интересное.

— Говорят много, — ответила Нора.

— Теодор ходит по коридорам и бормочет про простые числа. Я слышала, как он сказал Ивану, что это «не шум и не мы». Что он имел в виду?

Нора отложила планшет.

— Ханна, ты когда-нибудь слышала свой голос с записи, который тебе не принадлежит?

Ханна моргнула.

— Нет. Я терпеть не могу свой голос даже на своих записях.

— Я тоже, — сказала Нора. — Поэтому и не спешу.

Она встала и вышла из столовой. В коридоре было тихо, только где-то далеко стучал молоток Яна, который всё ещё чинил вентиль. Нора шла медленно, касаясь пальцами стены, и думала о том, что через шесть дней должна будет подписать отчёт, а через две недели на станцию прилетит экипаж «Дидоны» в полной готовности к маневру, и ни один из них не знал, что в конце сигнала звучало её имя.

Перед дверью своей каюты она остановилась и прислушалась. Внутри ничего не было слышно. Она вдруг подумала, что впервые за шесть лет боится войти в тишину, которая всегда ждала её здесь, и не знает, что там окажется на этот раз.

Дверь открылась. Лампа над столом включилась сама, на низком уровне. На экране планшета, оставленного на тумбе, всё ещё горела строчка: «Не ждите. Проверьте».

Нора стояла у порога, и в её голове вдруг отчётливо прозвучал голос, которого не должно было существовать. Он не говорил ни слова. Он просто дышал, медленно и ровно, как дышит ребёнок во сне, и в этом дыхании было что-то знакомое, почти забытое.

Она не выключила свет до утра.

Глава 2
Глава вторая. Голос

Станция «Лагранж-4», 2171, день 213

Бортовой журнал «Лагранж-4». Запись 213, 00:15. Ночная вахта: Анна Ренд, Иван Сорокин. Контрольные параметры тора в норме. Сигнал из дальней сети отмечен в журнале как «аномалия спектра, объект Орфей-7, в обработке». Комментариев не требуется.

К утру Нора поняла, что не спала, хотя и лежала в койке с закрытыми глазами. Мысли шли по кругу, и каждый круг возвращал её к одной и той же точке: к голосу, к имени, к дыханию в конце сигнала. Она перебрала все объяснения, которые приходили в голову, и все они были плохими. Ошибка декодера не объясняла человеческого тембра. Совпадение не объясняло структуры. Розыгрыш с Земли был немыслим, потому что на Земле никто не знал, что Ланг вообще слушает водородную линию в этом секторе.

Однажды, много лет назад, Пауль спросил её, почему звёзды не мигают, как лампочки в коридоре. Она ответила, что звёзды далеко и свет их идёт долго, поэтому до нас доходит уже не совсем тот свет, что был вначале. Пауль подумал и сказал: «Тогда каждая звезда врёт немного. Потому что она уже не такая, какой была, когда светила». Нора тогда рассмеялась и сказала, что это очень умная мысль. Сейчас она вспомнила эту фразу и подумала, что Пауль, возможно, был ближе к правде, чем все её расчёты.

В шесть она встала, умылась холодной водой и пошла в лабораторию. Ханна уже была там. Она сидела на высоком табурете перед распределённым кластером и грызла карандаш, что делала только тогда, когда была сильно взволнована.

— Ты видела последние данные? — спросила она, не поднимая головы. — Теодор прислал таблицу вариантов, и там что-то странное в третьей колонке. Я думаю, это не шум, а задержка. Если сигнал ушёл из Орфея раньше, чем мы думаем, то…

— Ханна, — перебила её Нора. — Сейчас я хочу услышать одну вещь: как ты относишься к тому, что сигнал не может быть таким, каким он выглядит.

Ханна подняла глаза. Она была невысокой, коренастой, с выгоревшими на солнце бровями и руками, которые всегда пахли машинным маслом, даже когда она мыла их с мылом. Двадцать семь лет, инженер двигательного контура, самая молодая в команде, которая готовила «Дидону» к маневру. Её родители работали над двигателями для программы ещё до того, как программа получила своё нынешнее имя, и погибли, когда станция была в стадии постройки. Нора знала эту историю из личного дела. Ханна никогда о ней не рассказывала.

— Я отношусь к этому так, — сказала Ханна медленно, — что если сигнал не может быть таким, каким он выглядит, значит, мы смотрим не туда.

— Хорошо. Тогда мы посмотрим туда, где его нет.

Нора включила основной экран и вывела на него архив сигналов Орфея за последние пять лет. Она пролистала файлы быстро, почти не глядя, и остановилась на записи двухлетней давности, где зонд передавал телеметрию о собственном состоянии. Голоса там не было. Там были только цифры, сухие и ровные, как пульс спящего.

— Это тоже не то, — сказала Нора. — Нам нужна не телеметрия. Нам нужен голос, с которым можно сравнить.

— У нас нет такого голоса, — сказала Ханна. — Или есть?

Нора посмотрела на неё и ничего не ответила. Она знала, где лежат такие записи, но ей было трудно даже подумать о том, чтобы открыть их здесь, в лаборатории, среди чужих людей и чужих приборов.

Она открыла личный архив. Система запросила пароль, и Нора ввела его без колебаний, потому что помнила его наизусть, как стихотворение, которое выучила в детстве и уже не могла забыть. Папка называлась просто: «П. 2151—2156». Внутри было сорок три файла: видеозаписи, аудиосообщения, рисунки, отсканированные страницы школьного дневника.

Ханна подошла ближе и заглянула через плечо.

— Это ваш сын? — спросила она тихо.

— Да.

— Я не знала, что у вас был сын.

— Об этом почти никто не знает, — сказала Нора. — Он родился здесь, на станции. Потом мы жили на Земле. Потом его не стало.

Ханна не спросила, как именно не стало. Она просто стояла рядом, и её плечо почти касалось плеча Норы, и в этом молчании было больше уважения, чем во всех официальных соболезнованиях, которые Нора получила за пятнадцать лет.

Ханна молчала долго, перебирая файлы, и наконец сказала, не глядя на Нору:

— Мои родители тоже оставили мне записи. Отец говорил в них про двигатели, мать пела. Я слушаю их, когда не могу спать. Знаете, что самое страшное? Я уже не помню, как они смеялись. Помню только, что смеялись.

— Вы помните больше, чем думаете, — сказала Нора.

— Вы так говорите, потому что у вас есть его голос.

— Я говорю так, потому что это правда. Голос можно хранить. Смех тоже. Нужно только найти момент, когда его включить.

Ханна улыбнулась, и в её улыбке появилась та же усталость, что и у Норы.

Нора смотрела на её профиль и думала о том, как мало людей на станции знают друг о друге по-настоящему. Они жили бок о бок по шесть-восемь лет, ели из одних мисок, ругались из-за одних насосов, но почти никто не спрашивал, кто их родители, что они слушают перед сном, как звучит их голос, когда им страшно. Станция учила ценить порядок и расписание, а не людей. Нора сама была таким же примером. Она знала про Ханну всё, что записано в личном деле, и почти ничего из того, что не записано.

— Почему вы пошли в двигатели? — спросила она вдруг.

Ханна удивилась, но ответила не сразу.

— Потому что двигатели не врут, — сказала она. — Если что-то сломалось, оно ломается на самом деле. Не говорит тебе «всё хорошо» и не улыбается при этом.

Нора кивнула. Это был хороший ответ. Почти такой же, как её собственный, только с другой стороны.

Нора выбрала файл, в котором Пауль, девяти лет от роду, читал стихотворение о звёздах. Он читал неуверенно, с ошибками в ударениях, и на последней строке замолчал, потому что забыл слово, а потом сказал его сам, громко и радостно, как будто нашёл потерянный ключ. Голос был высоким, детским, с лёгкой хрипотцой после простуды. Нора включила запись на динамики, и комната наполнилась звуком, которого не слышала пятнадцать лет.

Ханна стояла, опустив глаза.

Нора открыла второй файл, третий, четвёртый. Пауль смеялся, пел, спрашивал, почему на станции нельзя увидеть звёзды днём. Пауль говорил с Норой, когда она уходила на дежурство: «Мама, ты вернёшься до ужина?» И Нора всегда отвечала: «Постараюсь». И почти всегда не успевала.

Потом она открыла запись с сигналом и выставила два спектра рядом: один из архива, другой из дальней сети. Ханна смотрела на них, затаив дыхание.

— Совпадает, — сказала Ханна. — Не полностью, но тембр тот же. Смотрите, здесь, в конце слова, голос поднимается. У вашего сына так же было?

— Так было всегда, — сказала Нора. — Он никогда не заканчивал фразу, пока не понимал, что его услышали.

Они молчали. Потом Нора попросила Ханну вывести анализ тембра отдельно, по формантам, и та работала быстро, уверенно, без лишних вопросов. Через двадцать минут на экране выросли две таблицы. Совпадение по основным формантам было выше девяноста девяти процентов. Остальное могло объясняться сжатием, помехами и тем, что сигнал прошёл через километры пустоты и через десятки буферов.

— Это не подделка, — сказала Ханна. — По крайней мере, не такая, которую я умею делать. Если бы я захотела подделать голос ребёнка, я бы взяла одну запись и растянула её. Здесь растянуто ничего не было. Это живой голос, почти.

— Почти.

— Почти, — повторила Ханна.

Нора не была готова к тому, что скажет дальше. Она сделала шаг назад, будто её толкнули, и опёрлась рукой о край стола.

— Нора, — сказала Ханна тихо. — Вам плохо?

— Нет. Мне нужно понять одну вещь. Прослушай последние три слова ещё раз. Не таблицу, а сам звук. Но с низким усилением и с полосой до трёх килогерц.

Ханна сделала, что её просили. Комната снова наполнилась голосом. Он звучал чуть глуше, чем прежде, и каждое слово выходило из-под толщи шума, будто пробиваясь сквозь воду.

…не запускайте её, пока не увидите Ноэль-девять.

Нора выключила звук.

Ханна не стала повторять вопрос. Она посмотрела на экран, потом на Нору, потом снова на экран, и на её лице появилось выражение человека, который решает, стоит ли открывать дверь в незнакомую комнату. Она решила стоять рядом.

— Что такое Ноэль-девять? — спросила Ханна. — Я слышала это название, но не помню откуда.

Нора не ответила сразу. Она знала, откуда это название. Линза Ноэль-девять была открыта в 2163 году, почти через семь лет после того, как её сын умер на лифте над Землёй. Звезда с таким обозначением появилась в каталогах только в 2164-м. Её назвали в честь группы астрономов, которые первыми заметили странное искажение света в её окрестностях. Пауль не мог знать этого названия. Он не слышал его ни от кого. Он умер, когда такого названия ещё не существовало.

— Это гипотетическая линза, — сказала она наконец. — Звезда, вокруг которой, возможно, существует массивная гравитационная структура. Официально её считают ошибкой расчётов.

— А неофициально?

— Неофициально её изучают те, кто не хочет признавать ошибку.

Ханна присвистнула тихо и с уважением.

— Ваш сын не мог знать этого слова.

— Не мог.

— Тогда кто его сказал?

Нора посмотрела на экран, где неподвижно застыла волна голоса, и поняла, что у неё нет ответа ни для Ханны, ни для себя. Есть только один факт, который нельзя опровергнуть: слово было сказано человеком, похожим на её сына, и сказано в тот момент, когда никакого сына на станции не было.

Оставшись на минуту одна, Нора позволила себе то, чего не позволяла весь день: сесть на край стола и просто подумать о физике. Физика была её убежищем с юности. В ней не было

ни голосов, ни имён, ни дат, которые не сходятся. Была только ткань пространства, которую можно измерить, и время, которое тянется по своим правилам.

Линза Ноэль-9 была одной из тех идей, которые звучат слишком красиво, чтобы оказаться правдой. Звезда, если верить каталогам, лежала в пятидесяти световых годах от Солнца. Вокруг неё, по косвенным признакам, находилось вещество, которого было слишком много для видимой массы. Не тёмная материя в привычном смысле, а что-то плотное и компактное, как сгусток, который искривляет свет так, что звезда за ним выглядит в нескольких местах сразу. Такое искривление называли линзой. Но в расчётах Норы, сделанных ещё в институте, появлялся и другой эффект, которого не было в учебниках: в фокусе линзы часы в разных точках показывали не одно и то же. Если поймать сигнал именно там, он мог прийти раньше, чем был отправлен из другой точки.

Она тогда отмахнулась от этой мысли как от студенческой фантазии. Потом, уже на станции, пересчитала всё заново, и результат оказался устойчивым. Это её и напугало больше всего. Устойчивые расчёты не прощают. Если они верны, из них следует вывод, который никто не хочет принимать всерьёз: сигнал, пришедший из глубины линзы, может прибыть раньше, чем был отправлен, и окно для такого сигнала открывается по расписанию, которое задаёт сама природа.

Нора не говорила об этом Лангу ни разу. Он знал только часть, то есть что в сигнале может быть задержка, которой не должно быть. Остальное она держала при себе, потому что боялась: если её расчёты окажутся ошибкой, вся её жизнь на станции, построенная на точности, превратится в насмешку.

И вот теперь голос её сына говорил о том же самом, и говорил именно то, что она боялась услышать.

Дверь лаборатории открылась. На пороге стоял Марек Вольски. Командир был в тёмно-синем рабочем комбинезоне, на груди у него висел значок с эмблемой станции. Лицо у него было серое, усталое, и глаза смотрели так, будто он уже знал, что сейчас услышит.

— Нора, — сказал он. — Теодор говорит, что вы нашли что-то в дальней сети. Мне нужен отчёт. Сейчас.

— Это предварительно, — сказала Нора.

— Всё предварительно. Но Земля спрашивает. Элеонора Брайт прислала мне три запроса за ночь, и последний был со словом «срочно». Я не люблю такие слова от неё.

— Что она хочет?

Вольски вошёл в лабораторию и закрыл за собой дверь. Ханна отошла к своему терминалу, но не выключила экран, и Нора заметила, что она не сводит глаз с командира.

— Она хочет знать, подтверждён ли маневр «Дидоны» в срок, — сказал Вольски. — Четырнадцатое августа. Окно открывается на сорок минут, и если его пропустить, мы потеряем полгода. Это её слова, не мои. Но я должен их повторить.

Нора почувствовала, как в груди что-то сжалось, сухо и неприятно.

— Четырнадцатое, — повторила она.

— Да. А что?

— Ничего. Просто совпадение.

Вольски посмотрел на неё пристально, и Нора поняла, что он слышит в её голосе больше, чем она хотела сказать.

— Я не люблю совпадений, Нора, — сказал он. — Особенно тех, которые приходят вместе с голосами.

— Вы слушали сигнал?

— Теодор показал мне начало. Я не понял, что там говорят, но понял, что вы оба побледнели. И что Ханна перестала грызть карандаш, что с ней бывает редко.

Ханна покраснела и отвернулась.

Вольски вздохнул и потёр переносицу.

— Хорошо. Отчёт мне нужен к вечеру. Не полный, а такой, в котором я смогу объяснить Земле, что мы не сходим с ума. И, Нора…

— Да?

— Пожалуйста, не говорите Брайт про голос, пока мы сами не знаем, что это такое.

Нора кивнула. Она пообещала бы что угодно, лишь бы он ушёл.

Когда Вольски вышел, Ханна долго молчала. Потом сказала, не оборачиваясь:

— Он ведь тоже что-то знает.

— Он знает, что ему не нравятся совпадения, — ответила Нора.

— Это одно и то же.

Нора не стала спорить. Она вернулась к архиву и открыла файл, которого не касалась уже много лет: скан школьного дневника Пауля за тот год, когда он поднимался на лифте в первый раз. Там, на последней странице, был рисунок звезды с тремя кольцами вокруг неё. Под рисунком стояла подпись корявыми буквами: «Тихая. Мама говорит, что её нельзя найти, но я найду».

Нора смотрела на рисунок и не могла понять, почему у неё так сильно дрожат пальцы.

*** * ***

Во время обеда Нора вышла в сад и села на скамейку у пруда, где плавали зелёные карпы, привезённые с Земли в первые годы станции. Вода была тёплой, и рыбы лениво поднимались к поверхности, когда на неё падала тень. Лин Мэй пришла сюда с корзиной салата и села рядом, не спрашивая. Некоторое время они молчали.

— Ты похожа на человека, который выловил что-то из воды и боится открыть ладонь, — сказала Лин Мэй наконец.

— Я ничего не выловила. Оно само пришло.

— Всё, что приходит к нам сюда, приходит само, — ответила Лин Мэй. — Станция так устроена. Мы ничего не находим, нам всё присылают.

Нора усмехнулась. Лин Мэй работала на станции дольше всех, почти с первого года. Она выращивала здесь рис, редис и тыквы и знала каждый кусочек сада так, как мать знает свой дом. Когда-то она рассказывала Норе, что в сельском детстве под Шанхаем видела звёзды каждую ночь, а здесь звёзд нет, потому что их заслоняют лампы и сама станция. «Лучше я буду смотреть на тыквы», — сказала она тогда и засмеялась.

— Мой сын любил сад, — сказала Нора неожиданно для себя. — Он говорил, что здесь растёт всё, что он видел в книжках про Землю.

— Твой сын был умный мальчик, — сказала Лин Мэй. — Однажды он спросил меня, почему редис красный, а не синий. Я сказала, что так решили гены. Он спросил, кто их решал. Я не нашлась, что ответить.

Нора вспомнила этот эпизод. Пауль записал его на планшет, и она слушала запись много раз, пока не научилась улыбаться.

— Он всегда задавал вопросы, на которые не было ответа, — сказала она.

— Значит, он был прав. Хорошие вопросы не имеют ответа в первый день.

Лин Мэй встала, отряхнула колени и поправила на плече корзину.

— Если тебе нужна помощь в садах, приходи. Иногда лучше копать землю, чем думать о звёздах.

Нора пообещала, хотя знала, что не придёт. Когда Лин Мэй ушла, она долго сидела у пруда и смотрела на карпов, которые медленно кружили в тёплой воде, и думала о том, что каждое живое существо на станции находится здесь ровно потому, что кто-то когда-то рассчитал его место. Может быть, и её сын был таким расчётом. Может быть, и она сама.

В полдень Ланг пришёл в лабораторию с распечаткой. Он держал её обеими руками, как держат что-то хрупкое, и не садился.

— Я нашёл ещё одну вещь, — сказал он. — Не в сигнале. В самом зонде.

— Говори.

— Орфей-семь был запущен три года назад. По журналу его последняя команда от нас пришла семнадцать месяцев назад, а потом связь обрывалась и восстанавливалась сама, без наших команд. Это бывает, когда зонд на автономии. Но в восстановлении есть метка времени, которую не должно быть. Смотри.

Он положил листок на стол. Нора прочитала строку и не сразу поняла её смысл. Потом поняла, и кровь отхлынула у неё от лица.

Метка показывала дату прихода восстановленного пакета. Это была не сегодняшняя дата. Это было четвёртое января две тысячи сто пятьдесят шестого года по земному календарю. За две недели до того, как лифт над Землёй разорвал трос, и за две недели до того, как её сын поднялся в кабину в последний раз.

Ханна заглянула через плечо, открыла рот и тут же закрыла его.

— Это ошибка, — сказала она.

— Может быть, — сказал Ланг. — Но тогда ошибка стоит пятнадцать лет и говорит голосом Пауля.

Ланг рассказывал потом, что впервые услышал о сигнале вовсе не в тот день, когда пришла запись. Он видел сдвиг частоты ещё месяц назад, в ночной сводке, и отметил его как шум. Тогда ему показалось, что это шум, который повторяется слишком ровно. Он тогда не стал никому говорить. Нора не спрашивала, почему. Она поняла: он боялся не сигнала, а того, что сигнал окажется понятным.

Нора не смогла ничего ответить. Она сидела и смотрела на дату, а за окном медленно поворачивались звёзды, и одна из них, невидимая отсюда, называлась Тихой.

Глава 3
Глава третья. Каюта Пауля

Станция «Лагранж-4», 2171, день 213

Бортовой журнал «Лагранж-4». Запись 213, 14:02. Перерасход воды в жилом кольце на три процента, причина установлена: душевая в секции B, неисправный клапан. Работы назначены на завтра. Личные запросы: ноль.

Каюта номер четыре-семнадцать находилась в самом конце внешнего кольца, там, где переборки были толще, а гул вентиляции слышался отчётливее, чем в остальных отсеках. Нора не заходила туда больше года. Она приходила к двери, останавливалась, слушала, как работает вентиляция, потом разворачивалась и шла обратно. Иногда ей казалось, что так и должно быть: что дверь нужна ей не для того, чтобы открыть, а для того, чтобы знать, что она существует.

Теперь она стояла перед ней в середине дня, когда все были заняты, и смотрела на знакомую табличку с именем, которое никто не стёр. Коротко, без отчества, без даты: «Пауль Кирш». Латинскими буквами снизу было написано то же самое, потому что на станции жили люди с разных континентов, и каждый мог прочесть имя так, как ему удобно.

Она приложила ладонь к считывателю. Замок щёлкнул почти беззвучно.

Внутри было тесно и светло. Станционные каюты строили по одному шаблону: койка, стол, шкаф, умывальник, узкое окно, которое выходило на тор и на звёздный свод, если повернуть голову под определённым углом. Эту каюту семья занимала, когда жила на станции в первые годы: Пауль хотел, чтобы его окно смотрело на Землю, а не на Луну. Она до сих пор помнила, как он прижимался лбом к стеклу и говорил: «Вот там мой дом, мама, а здесь только гости».

На стене висели его рисунки. Большинство он сделал в шесть и семь лет: круглые планеты, квадратные корабли, люди в скафандрах с огромными головами. Потом появились звёзды. Много звёзд, по-детски неровных, с лучами в разные стороны. На одном рисунке была чёрная точка, а от неё шли три кольца. Нора сняла лист со стены и положила на стол. Бумага была тёплой, как будто её только что держали в руках.

Она села на койку и огляделась.

В углу, на подставке, стоял старый планшет. Экран у него треснул ещё в детстве, и она не стала его менять, потому что в трещине было что-то правильное: она словно разделяла время на две половины. Нора нажала кнопку, и экран неохотно включился. Внутри оказалась та же папка, что и в архиве, но здесь было больше: заметки, которые Пауль писал от руки, а потом диктовал, потому что ленился печатать. Список звёзд. Список вопросов к маме. Список вещей, которые он хотел увидеть с орбиты.

Нора открыла первый вопрос.

Мама, почему на Земле ночью темно, а на станции никогда не темно? Ты говоришь, что это потому, что мы далеко от Солнца. Но Луна тоже далеко, а на Луне темно, и я там не был, но видел в книжке.

Она улыбнулась сквозь слёзы, потому что помнила этот вопрос. Она ответила на него тогда, в каюте, сидя на этой самой койке. Она рассказала про отражённый свет, про тени, про то, как Земля заслоняет Луне солнце. Пауль слушал внимательно и сказал: «Ладно. Тогда я буду светить сам». Он вытянул руку, сжал кулак и поднял его к потолку, как маленький рыцарь.

Нора закрыла глаза.

Лифт. Пояс. Ноябрьский день над Землёй, белый от облаков, и дежурная в зелёной форме, которая смотрела на список детей и повторяла: «Двенадцать человек, двенадцать». Пауль стоял у её ног в синей куртке, которую она сама ему купила, и смотрел на кабину, как

смотрят на корабль, отправляющийся к другой звезде. Ему было десять лет. Он уже подрос из куртки, и рукава доходили до середины ладоней.

«Мама, ты пойдёшь с нами?»

«Нет, родной. Я буду внизу. Я скоро приеду».

Она сказала это спокойно, потому что была уверена, что он вернётся через три часа с сувенирами и рассказами про облака под ногами. Она была уверена, что тросы проверяли каждую неделю, что кабины обслуживают лучшие инженеры, что автоматика сама остановит подъём при малейшей ошибке. Она была уверена почти во всём. Почти — и это слово потом стало для неё главным во всей её жизни.

Кабина ушла вверх без толчка. Нора смотрела в небо, пока не увидела вспышку, которая не была ни молнией, ни отражением. Потом в диспетчерской зазвенел сигнал тревоги, и кто-то закричал по-английски: «Разрыв троса на шестом сегменте!»

Она до сих пор не помнила, как бежала к терминалу. Помнила только, что ноги подгибались и что кто-то держал её за плечи, когда она упала на колени перед пустым экраном, где мигала красная строка: «Связь потеряна».

Спасатели подняли кабину через два дня. Из двенадцати человек выжили трое, но ни одного ребёнка не было среди них. Пауля нашли в носовом отсеке, у иллюминатора. Он сидел, прислонившись к стене, и держал в руке маленький сувенирный значок с эмблемой станции «Лагранж-4», который она подарила ему за неделю до того. Нора не смогла на него смотреть. Ей показали фотографию, и она кивнула, и больше ничего не помнила о тех днях, кроме запаха больничного антисептика и голоса Марека Вольски, который говорил в трубку глухо и медленно, с паузами, как говорит человек, который сам не верит в то, что сообщает.

Марек был тогда на станции, на вахте. Он прилетел на Землю через неделю, потому что на «Дидоне» был испытательный полёт, и он не мог его пропустить. Нора помнила, что он сидел рядом с ней на скамейке у больницы и молчал, а потом сказал одну фразу, которую она не поняла тогда и поняла только позже: «Лифты падают, Нора. Люди поднимаются снова. Это вопрос времени, а не вопрос веры».

Она тогда не ответила. И потом, годами, всё думала, что он имел в виду.

Мать звали Ирина. Она была геологом и верила, что Луна расскажет всё, если её правильно спрашивать. В лунном посёлке у кратера Шеклтон, где Нора выросла, женщины в комбинезонах с оранжевыми полосами уходили в экспедиции на несколько месяцев, и никто не удивлялся, когда кто-то из них возвращался не вовремя. Лунный грунт был полон сюрпризов: пустоты в породе, куски льда, которых никто не ожидал найти, древние трещины, в которых пряталась тишина. Мать приходила из таких поездок загорелой и уставшей, пахнущей пылью и пластиком, и приносила Норе камни с какими-то непонятными полосами, будто записями давно прошедших времён.

Однажды она не вернулась. Экспедиция к полюсу, на три месяца, потом на полгода, а потом в бумагах появилась фраза «пропала без вести, поиски прекращены». Нора была шестнадцатилетней и не плакала. Она взяла последний мамин камень, маленький, серо-зелёный, с белыми прожилками, и держала его в руке до самого вечера, пока не почувствовала, что камень стал тёплым, как живой.

С тех пор она поверила в расчёты, а не в людей. Расчёты никуда не уходили. Они лежали на экране, и если их проверить, они всегда говорили одно и то же. Люди говорили разное и каждый раз по-другому. Поэтому Нора выбрала физику и никогда не жалела. Только однажды, на лифте, она позволила себе поверить в людское слово, в слово «скоро», и тогда всё рухнуло.

Камень лежал у неё в шкафу, в коробке с документами. Она так и не отдала его никому, даже сыну. Пауль спрашивал о нём в детстве, и она сказала, что камень принадлежит маминой работе, а не её. Он поверил и больше не просил.

Нора открыла глаза. Лист с рисунком лежал на столе, и три кольца вокруг чёрной точки смотрели на неё, как спокойный глаз.

Последнее утро Пауля она помнила хуже, чем всё остальное, и это тоже было частью её вины. Он проснулся рано, раньше будильника, и прибежал в её комнату в Заречье, на Земле, где они жили в первый год после переезда. Он был в той самой синей куртке, хотя до поездки оставалось ещё два часа. Он сказал: «Я хочу надеть её заранее, чтобы не забыть». Она засмеялась и сказала, что курток на свете много, а лифт только один. Он не согласился. Ему нравилась эта куртка, потому что на ней был карман с молнией, в котором он прятал свой значок станции. Значок был у него в руке, когда его нашли в носовом отсеке, и она до сих пор не знала, как его потом передали ей: кто-то положил его в пакет с номером и вежливо подписал расписку.

Официальный отчёт о катастрофе лифта она читала трижды, и каждый раз он казался ей всё менее связным. Комиссия установила, что усталость металла в узле крепления шестого сегмента троса развивалась годами и не была замечена при плановых проверках. Ремонтная бригада подписала документы за неделю до аварии. Руководитель проверок ушёл на пенсию на Луну. Список виновных был пуст, но в примечаниях стояла фраза, которую Нора выучила наизусть: «Решение о допуске детей на кабину принято на уровне родительского согласия и не относится к компетенции комиссии». Родительским согласием была её подпись.

Она никогда не винила себя вслух, потому что вслух это звучало бы как просьба о прощении, а просить прощения у мёртвых казалось ей бессмысленным. Есть только одно честное действие: помнить с точностью, без украшений и без оправданий. Поэтому она хранила каждую деталь, даже те, которые ничего не меняли: цвет куртки, вкус воды из автомата на вокзале, сквозняк под дверью в здании ожидания. Детали не возвращали сына. Но они не давали ей забыть, что она была там и выбрала.

Каждый раз, когда кто-то говорил о лифтах, о тросах или о детских экскурсиях, она чувствовала, как под ногами открывается тот же самый провал, в который упала тогда, у пустого терминала.

Она взяла планшет и снова открыла заметки. Среди старых записей было несколько новых. Нора насторожилась, потому что точно помнила: в последний раз она открывала эту папку год назад, и тогда в ней не было ничего, кроме старых файлов, которые она сама сохранила при переносе.

Файл назывался «звезда». Она открыла его. Внутри был один короткий текст, написанный тем самым неровным почерком, который она узнала бы из тысячи:

Тихая — это Ноэль. Она там, где мама не смотрит. Найду.

Нора перечитала строку три раза. Слова были её сына, но интонация, с которой они ложились на экран, была не детской. Так говорил бы человек, который уже знает, что ему сказать, и не боится этого.

Она проверила дату изменения. Файл был создан в его последний школьный год, в две тысячи сто пятьдесят шестом, и с тех пор никто не открывал его, потому что планшет был заблокирован, а ключи лежали у неё.

Но дата изменения стояла другая. Не две тысячи сто пятьдесят шестой. Сегодняшняя.

Вчера, тридцать первого июля, в двадцать три часа четырнадцать минут по станционному времени.

Нора выронила планшет на койку. Он упал экраном вниз, и она долго смотрела на его чёрную, пустую спину, пока не поняла, что дышит слишком часто и не может остановиться.

Она вспомнила, где была вчера в это время. Она сидела в лаборатории одна и смотрела на спектрограмму, которая ещё не выглядела как голос. Она не выходила из комнаты до полуночи. Ханна ушла раньше, Ланг давно спал. Никто не мог зайти в её каюту без её ключа, кроме одного человека.

Но ключ был у неё. Всегда был.

Нора снова взяла планшет и перевернула его. Экран мигнул и показал список изменений за последние сутки. В нём было три записи. Первая — открытие файла. Вторая — копирование в неизвестный каталог. Третья — удаление короткой строки в конце файла, которой раньше не было.

Нора прочла удалённую строку, которую система восстановила из резервной копии:

Мама, не верь своей памяти. Она тебя обманет.

Она положила руку на лоб и посидела так, стараясь не думать ни о чём. Потом встала, сложила рисунок в папку и вышла из каюты, не закрыв дверь. Это было глупо. Но ей хотелось, чтобы кто-нибудь мог войти и увидеть то, что осталось внутри.

В коридоре у поворота стоял Ян Ковач с инструментом в руках. Она шла к нему медленно, потому что за последние сутки привыкла замечать, как люди смотрят на неё: быстро, с опаской, будто ждут, что она скажет что-то странное. Ян не смотрел так никогда. Он смотрел прямо и спокойно, как смотрят на поломку, которую можно починить, если понять, где именно она. Он посмотрел на её лицо и опустил глаза.

— Нора, — сказал он тихо. — У тебя всё в порядке?

Ян Ковач работал на станции одиннадцатый год. Он пришёл сюда из портового строительства на Земле, и руки у него до сих пор были такие, будто он всё ещё держит тяжёлые стальные плиты. Он не любил говорить о прошлом и не любил, когда его называли героем, а на станции его иногда называли именно так, за то что однажды ночью он вручную закрыл аварийный люк в секции лабораторий, пока остальные выводили людей. Нора никогда не спрашивала, как он это сделал. Ян сам сказал ей однажды, что ему было страшно, и что страх — это единственная вещь, которую нельзя починить гаечным ключом.

— Ян, — спросила она. — Кто вчера вечером заходил в секцию четыре-семнадцать?

Ян нахмурился.

— Никто. Я туда не ходил. Я был в шлюзе Б-2 до полуночи, там клапан барахлит. А что?

— Ничего. Не важно.

Она пошла дальше, и Ян смотрел ей вслед, пока она не свернула за угол. Нора не оглядывалась, но чувствовала его взгляд, как холод от открытого окна.

В коридоре жилого кольца её догнала Ильза Варга, станционный врач. Ильза была высокой, сутулой, с усталыми умными глазами и привычкой говорить тихо, даже когда все вокруг кричали. Она держала в руке планшет с расписанием осмотров и смотрела на Нору поверх очков.

— Ты плохо спишь, — сказала она без вступления. — Я вижу по глазам. И по походке. Ты ходишь так, будто переносишь что-то тяжёлое с места на место.

— Я переношу расчёты.

— Расчёты не тяжёлые, Нора. Тяжёлое — то, что ты думаешь о расчётах. Приходи ко мне завтра. Я дам тебе что-нибудь, чтобы ты спала хотя бы четыре часа.

— Четыре часа — это много.

— Для тебя — мало, — Ильза улыбнулась. — Но я всё равно дам.

Нора обещала прийти, но знала, что не придёт, и Ильза знала это тоже. Они обе были слишком упрямы, чтобы поверить друг другу в мелочах. Врач пошла дальше по коридору, и Нора услышала, как она тихо сказала кому-то в планшет: «Кирш, сон, нарушен, назначить повторный осмотр». Эти слова звучали так буднично, что почти успокаивали.

Командир пришёл к ней сам, без предупреждения, поздно, когда тор уже погасил дневной свет и коридоры окрасились в тёплый вечерний цвет. Он постучал, и Нора открыла, не спрашивая, кто там: в её дверь всегда стучал только он.

— Можно? — спросил Марек.

— Конечно.

Он вошёл и остановился у стола, разглядывая переборку, где висели рисунки. Отсюда их не было видно, но он смотрел именно туда.

— Я был здесь однажды, — сказал он. — Давно. Твой сын показывал мне пластикового динозавра. Сказал, что тот сторожит звёзды.

— Я не помню.

— Он был очень серьёзным мальчиком. Не по возрасту. Я тогда подумал, что на станции такие дети долго не живут: слишком много мыслей для маленькой головы.

Нора села на койку и посмотрела на свои руки.

— Зачем вы пришли, Марек?

Он помолчал. Потом сел напротив, на стул, который скрипнул под ним, и опустил плечи, будто снял с них тяжёлый мешок.

— Элеонора Брайт прислала мне личный запрос. Не официальный. Она спрашивала, есть ли у нас в команде люди, которые могут «не справиться с давлением». Я ответил, что у нас все справляются. Но вопрос мне не понравился.

— Что вы ей ответили про меня?

— Что вы лучший расчётчик из всех, кто здесь работал, и что вы никогда не пропускаете данные. — Он усмехнулся коротко, без радости. — И что с вами лучше не спорить, если не хочется проиграть.

— Это правда.

— Это тоже правда, — сказал Вольски и потёр переносицу. — Нора, я потерял жену на «Дидоне». Вы знаете. Мира ушла в испытательный полёт в две тысячи сто шестьдесят четвёртом. Двигатель дал сбой на шестнадцатой минуте, и корабль вернулся к станции без неё. Не по её вине и не по моей. Просто расчёт оказался неполным. Я тогда думал, что никогда больше не сяду в кресло, которое выбирают чужие люди. И вот я снова здесь, и снова вокруг меня считают.

Нора молчала. Она знала эту историю только в общих словах, которые тогда передали на станцию.

— Вы боитесь маневра, — сказала она.

— Я боюсь того, что его будут делать, не выслушав тех, кто видит проблему. — Он посмотрел на неё прямо. — Вы видите проблему, Нора. Я вижу, как вы её видите. Скажите мне, что это.

— Я не могу сказать.

— Почему?

— Потому что, если я скажу, вы поверите. А я сама ещё не верю. Мне нужно проверить, и я боюсь, что проверка окажется хуже, чем я думаю.

Вольски кивнул медленно, как кивают на похоронах.

— Хорошо. Тогда я буду ждать ваш отчёт, но не дольше, чем до пятнадцатого. Больше я ждать не могу. У меня двенадцать человек, и каждый из них верит, что его командир знает, что делает.

Он встал, постоял в дверях и добавил, не оборачиваясь:

— Мира тоже в это верила. Это не помогло.

Дверь закрылась. Нора долго сидела неподвижно, слушая, как за переборкой тихо работает вентиляция, и думала о женщине, которую никогда не видела, и о мужчине, который до сих пор носит её имя на внутреннем кармане комбинезона.

Вечером она сидела в своей каюте над распечаткой рисунка и думала о том, что её сын, который умер пятнадцать лет назад, оставил ей не только воспоминания, но и адрес, по которому можно его найти. Этот адрес был не на Земле и не на станции. Он был там, где время шло иначе.

Она не знала, пугает её эта мысль или радует. Скорее и то и другое сразу, в равной мере, так что ни одно из чувств нельзя было отделить от другого.

Ночью в коридоре снова стучал молоток. Нора слушала его долго, считая удары, пока не сбилась со счёта на тридцать первом.

Глава 4
Глава четвёртая. Расписание

Станция «Лагранж-4», 2171, день 214

Бортовой журнал «Лагранж-4». Запись 214, 09:00. Совещание экипажа в зале Совета по расписанию. Присутствуют: командир, главный инженер, астроном, пилот и навигатор «Дидоны», врач, биолог, связист. Отсутствуют: двое на вахте, один в медотсеке.

Перед совещанием Нора заглянула в ангар, где стояла «Дидона». Корабль занимал весь северный причал второй секции, и с галереи он казался не машиной, а длинной, слегка искривлённой иглой, нацеленной в пустоту. Корпус был светло-серым, почти белым, с тёмными полосами теплозащиты у сопел. Три огромных кольца внешних баков, на которых по-прежнему виднелись следы сварки, окружали центральный отсек, и, если смотреть на них долго, казалось, что корабль дышит.

Ханна работала внизу, на платформе у главного сопла. Она была в комбинезоне, с заправленными в ботинки штанинами, и держала фонарь. Рядом стоял Юрий Гаев, механик, похожий на медведя, который любил песни и не любил вопросы. Когда Нора подошла, он поднял голову и кивнул, но Ханна не обернулась.

— Четвёртый насос, — сказала она. — Видите? Подшипник греется на сорок градусов выше нормы, но только когда корабль в тени. На свету всё нормально.

— Значит, в тени он не нормален, — заметила Нора.

— Значит, нужно поставить экран. Я сделаю его за два дня. Юрий обещает помочь.

— Помогу, — сказал Гаев, не переставая вертеть ключ. — Только если потом дадите поспать.

— Я вам дам поспать, Юрий, — сказала Ханна и наконец обернулась. Глаза у неё были усталые, но живые. — Нора, вы пришли смотреть на корабль или на меня?

— На корабль, — сказала Нора. — Скажите честно: он выдержит маневр?

Ханна спустилась с платформы и вытерла руки о тряпку, которая висела на поясе.

— Выдержит. Двигатель рассчитан на большее. Но я не знаю, выдержит ли расчёт. Это разные вещи.

— Вы сказали это Брайт?

— Я сказала ей, что двигатель готов. Она не спрашивала про расчёт.

Нора кивнула. Ей показалось, что слова Ханны — это её собственные слова, только переведённые на язык инженера.

— Ханна, — сказала она тихо. — Если окно маневра совпадает с чем-то, что мы ещё не понимаем, вы хотели бы знать?

— Я хотела бы знать всё, — ответила Ханна. — Поэтому и работаю здесь. Но если вы скажете, что мой корабль полетит в никуда, я найду способ вас не слушать.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было больше страха, чем гордости.

*** * ***

Зал Совета на «Лагранже» был самым большим помещением станции, если не считать сада, и самым неудобным. Его построили в центре второй секции, где гравитация была почти незаметна, и поэтому стулья приходилось привязывать к полу ремнями, а столы делать низкими, чтобы никто не терял равновесия, поднимаясь с места. Людям, которые здесь работали, это казалось забавным. Людям с Земли — тревожным.

Нора пришла раньше других и села у стены, спиной к иллюминатору. Иллюминатор выходил на Луну, и она не хотела смотреть на неё сегодня: серый диск, испещрённый кратерами, всегда казался ей большим и холодным, как крышка гроба.

Зал постепенно наполнялся. Ада Парк принесла кофе в термосах и поставила их на центральный стол. Ханна вошла, шумно, с планшетом в руке, и села рядом с Норой, не извиняясь за опоздание, потому что опоздания не было: она пришла вовремя, просто не умела входить тихо. Сэм Окоро, пилот «Дидоны», высокий, с широкими плечами и спокойным лицом, сел напротив и кивнул Норе. Анна Ренд, навигатор, принесла с собой блокнот и тут же начала что-то в нём писать. Виктор Лютц, связист, опустился на стул у двери и поставил перед собой маленький экран, который тихо гудел. Лин Мэй и Ян Ковач пришли вместе и заняли места в конце стола. Иван Сорокин ушёл на вахту, но его место осталось пустым, и никто не стал его занимать.

Ланг пришёл последним. Перед ним в зал вошёл Виктор Лютц, неся большой экран связи, и долго возился с кабелями, пока Ада Парк не предложила ему помочь. Нора наблюдала за этой суетой и думала, что станция полна мелких движений, которые никто не замечает, пока не сломается что-то крупное. Сейчас сломалось что-то внутри самой Норы, и она слышала этот скрип особенно отчётливо.

Ланг пришёл последним. Он выглядел ещё хуже, чем вчера, и глаза у него были красными, будто он не спал, а плакал. Но он сел на своё место, достал из кармана карандаш и начал чертить на салфетке какие-то кривые линии.

Марек Вольски вошёл, и разговоры стихли сами собой. Он прошёл к центральному месту, положил на стол руки и посмотрел на всех по очереди, медленно, как смотрит капитан на палубу перед выходом в шторм.

— Доброе утро, — сказал он. — Земля хочет поговорить. Элеонора Брайт будет на связи через шесть минут. Я прошу вас сидеть и слушать, а не перебивать. Она не любит, когда её перебивают, и у нас мало времени.

Ханна хмыкнула, но промолчала.

Голограммы на станции не любили, и понятно почему: проектор в центре стола выжигал воздух и заставлял людей щуриться, а изображение всегда немного дрожало, как будто собеседник стоял на дне мутной воды. Но Брайт, похоже, любила именно такой способ разговора. Она умела выглядеть на расстоянии ближе, чем была на самом деле, и умела делать паузы так, что они казались намеренными. Нора видела её лично один раз, на защите программы, лет восемь назад. Тогда Брайт была в синем платье и говорила почти шёпотом, и весь зал слушал, затаив дыхание. Нора запомнила не слова, а то, как Брайт держала руки: спокойно, без жестов, как человек, который знает, что каждое его движение записано.

Брайт появилась в центре стола ровно через шесть минут, как и обещал Вольски. Голограмма возникла почти неслышно: сначала размытое пятно, потом очертания женщины средних лет, с короткими седыми волосами, в тёмном пиджаке с узким воротником. Лицо у неё было ухоженное, с сухими чертами и внимательными серыми глазами. Голос звучал чуть глуше, чем у неё, когда она сидела в кабинете на Земле, и Нора подумала, что это, наверное, из-за задержки: полторы секунды до станции и обратно, и эти секунды всегда делали разговор немного чужим.

— Доброе утро, — сказала Брайт. — Спасибо, что собрались. Я знаю, что у вас были неприятные дни, и знаю, что на станции появились вопросы, которые нельзя решить по телефону. Поэтому я буду краткой.

Она сделала паузу, как будто ждала, что кто-то возразит. Никто не возразил.

— Маневр «Дидоны» подтверждён. Старт назначен на четырнадцатое августа, три часа двенадцать минут по Гринвичу. Окно открывается на сорок минут и закрывается по расчёту, который проверен тремя независимыми группами. Комиссия по безопасности одобрила программу две недели назад. Я повторяю: программа одобрена. Никаких дополнительных проверок не потребуется.

— Дополнительные проверки всегда требуются, — сказал Ланг тихо, почти про себя.

Брайт посмотрела в его сторону, и в её взгляде не было ни гнева, ни раздражения, только спокойный интерес, как к насекомому, которое вдруг заговорило.

— Теодор, — сказала она мягко. — Я знаю, что вы много работали над дальней сетью. Вы нашли аномалию, это хорошо. Но аномалии не отменяют расписания.

— Я не говорил, что нужно отменить расписание.

— Тогда что вы хотите сказать?

Ланг открыл рот и закрыл его. Его карандаш замер над салфеткой.

— Я хочу сказать, что мне нужно больше времени, — наконец выдавил он.

— Времени у нас нет, — ответила Брайт. — Ни у вас, ни у меня. «Дидона» должна уйти к Юпитеру в этом окне. Через полгода будет другая позиция, и маневр станет вдвое дороже по топливу и втрое опаснее по расчёту. Вы это понимаете лучше других.

Ханна подалась вперёд.

— Элеонора, — сказала она. — Простите, что перебиваю. Но двигатель уже готов. Контур охлаждения проверен, три из четырёх насосов работают в штатном режиме, четвёртый мы меняем. Я могу гарантировать, что до четырнадцатого всё будет готово.

Брайт повернулась к ней, и на её губах появилась тонкая улыбка.

— Ханна Осе, — сказала она. — Я помню ваше личное дело. Ваши родители работали над первыми версиями этого двигателя. Они бы гордились вами сегодня.

Ханна побледнела. Нора видела, как пальцы девушки сжались в кулак на краю стола.

— Спасибо, — сказала Ханна глухо.

— Не за что. Я просто говорю правду.

Вольски кашлянул, и голограмма повернулась к нему.

— Марек, — сказала Брайт. — Что у вас по экипажу?

— Двенадцать человек. Двое в медотсеке на плановом осмотре, один на вахте. Обучение экипажа «Дидоны» идёт по графику. Сэм и Ада прошли все тренажёры, Анна проверила навигацию дважды. Врач просит у меня ещё неделю на проверку лёгких у двух наших рабочих, но я не думаю, что это помешает.

— Не помешает, — согласилась Брайт. — Ваша станция всегда работала лучше, чем о ней говорили. Я не сомневаюсь в вас, Марек.

Вольски кивнул, но Нора заметила, что он не улыбнулся.

Брайт обвела взглядом зал, как будто пересчитывала лица, и остановилась на Норе.

— Нора Кирш, — сказала она. — Ваши данные по дальней сети. Они пришли ко мне сегодня ночью, в сокращённом виде. Почему не полные?

Все повернулись к Норе. Она почувствовала, как в спине стало холодно, а руки внезапно затекли.

— Полные будут через день, — сказала она. — Нам нужно проверить источник.

— Какой источник?

— Сигнал.

— Я видела сигнал, — сказала Брайт. — Мне показали первый фрагмент. Неплохая работа для декодера. Но вы, кажется, нашли что-то ещё, и это меня интересует больше, чем сам фрагмент.

Нора молчала. Она знала, что любой ответ сейчас станет частью протокола, и что Брайт будет его читать дома, в тишине, за своим пустым столом.

— Я ещё не уверена, — сказала она наконец.

— Это не ответ, Нора.

— Это честный ответ.

Брайт помолчала. Задержка тянулась и тянулась, как будто сигнал застрял где-то между Землёй и станцией.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я скажу, что мне нужно от вас. Четырнадцатое августа. Вам нужно подтвердить, что все параметры маневра совпадают с расчётом, включая окно. Если в дальней сети есть что-то, что может повлиять на траекторию, я хочу знать это до пятнадцатого июля, не позже. Понятно?

— Понятно, — сказала Нора.

— Отлично. Тогда до связи.

Голограмма начала гаснуть. Брайт уже готова была исчезнуть, когда её голос прозвучал снова, очень тихо, почти шёпотом, который, однако, был слышен во всём зале:

— Четырнадцатого, Нора. Не забудьте.

Изображение пропало. Ещё секунду над столом дрожал прозрачный след голограммы, как след от свечи, которую задули. Нора знала, что задержка в полторы секунды и обратно сделала этот разговор чуть более осторожным, чем он был бы лицом к лицу. Брайт умела пользоваться этой паузой. Она говорила, а потом молчала, и каждое её молчание звучало громче слов, потому что собеседник успевал за эти секунды придумать себе худшее.

В зале было тихо, только гудел экран связиста.

Первой заговорила Ханна.

— Что это было? — спросила она. — Она что, нас пугает?

— Она никого не пугает, — сказал Вольски. — Она просто не любит ждать.

— Она сказала «четырнадцатого» так, будто знала, что Нора…

— Ханна, — перебил Вольски. — Хватит.

Он поднялся и обвёл зал взглядом.

— Маневр идёт по расписанию. Четырнадцатое августа. Все работы, которые не готовы к этой дате, должны быть закончены до конца недели. Если у кого-то есть сомнения, я хочу их услышать сегодня, а не в день старта. Есть вопросы?

Никто не ответил. Ланг опустил голову и продолжал чертить линии на салфетке. Ада Парк налила себе кофе и не стала пить. Сэм Окоро посмотрел на Нору, потом на Вольски, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на вопрос, который он не решился задать вслух.

Нора не могла произнести ни слова. Она сидела и смотрела на пустой стол, где только что была голограмма, и повторяла про себя дату, которую слышала уже дважды за сутки.

Четырнадцатое. Не запускайте «Дидону» четырнадцатого, пока не прочтёте данные о линзе.

Так говорил голос её сына, сохранённый в дальней сети, в сигнале, который никто не должен был получить. И вот та же самая дата звучала теперь из уст женщины, которая управляла программой, где её сын, по всем записям, никогда не был.

— Нора, — сказал Вольски. — Вы что-то хотите сказать?

Все снова повернулись к ней.

Нора поднялась. Ремень на стуле щёлкнул, и она почувствовала, как тело на секунду потеряло вес, когда тор повернулся к внутренней части станции.

— Нет, — сказала она. — Ничего.

Вольски посмотрел на неё долгим взглядом, в котором была усталость и что-то ещё, очень похожее на сочувствие. Он кивнул, и совещание закончилось.

Когда все разошлись, Ханна задержалась у двери и обернулась.

— Вы ведь что-то знаете, — сказала она. — Я вижу по вашему лицу.

— Я знаю, что дата совпадает, — ответила Нора. — Этого пока достаточно, чтобы нервничать, но недостаточно, чтобы кому-то что-то доказать.

— Тогда зачем вы сказали «нет»?

— Потому что «да» означало бы, что я должна объяснить, откуда знаю. А я сама этого не понимаю.

Ханна долго смотрела на неё, потом кивнула и вышла, не закрыв дверь.

Сэм догнал её у лифта, когда она уже нажала вызов. Двери открылись, но он не вошёл, а остановился рядом, держа руку на поручне.

— Я хотел спросить, — сказал он. — Вы действительно не знаете, что у них за расчёт?

— Не знаю всего.

— А что знаете?

— Что он слишком чистый, — сказала Нора. — Слишком аккуратный. Настоящие расчёты всегда грязные. В них есть поправки, которые никто не может объяснить, и люди, которые говорят: это потом. Здесь всё сходится сразу. Как будто кто-то очень хотел, чтобы оно сошлось.

Сэм кивнул. Он был человеком спокойным, почти медлительным, и руки его всегда лежали неподвижно, даже когда он говорил. До «Дидоны» он летал на грузовых буксирах между лунной орбитой и поясом, а потом перешёл в испытательную группу, потому что его брат погиб в аварии на одном из таких буксиров.

— Я полечу на нём, — сказал он просто. — Со всеми, кто будет на борту. Ада со мной, Анна, и ещё двое из инженерного. Нам не говорят, что будет в окне. Нам говорят, что окно есть.

— Вам этого достаточно?

— Мне достаточно знать, что на станции есть люди, которые проверяют. — Он помолчал. — Вы ведь проверяете?

— Пытаюсь.

— Тогда я подожду. Но не очень долго.

Лифт тихо загудел, и Сэм наконец шагнул внутрь.

— Нора, — сказал он, когда двери уже начали закрываться. — Та дата, которую она назвала. Она выучила её наизусть. Такие вещи просто так не говорят.

Двери закрылись. Нора осталась в пустом коридоре, слушая, как внизу ползёт платформа, и думала о том, что Сэм Окоро заметил то, что все остальные пропустили: Брайт не читала дату, она её вспоминала.

В коридоре, у поворота к техническим шахтам, её догнал Ланг. Он шёл быстро, почти бежал, и остановился, только оказавшись совсем рядом, так что ей пришлось отступить к стене.

— Я хочу сказать тебе кое-что, — сказал он, задыхаясь. — Но не здесь.

— Говори здесь.

— Здесь нельзя. Здесь каждая стена слышит. — Он огляделся, будто кто-то мог прятаться за вентиляционной решёткой. — Я пересчитал окно. Оно совпадает не только с фокусом линзы. Оно совпадает с моментом, когда Ноэль-девять проходит по нашей линии зрения в точке, где сходятся гравитации Земли и Луны. Там всё сходится. На одну секунду в году. И эта секунда — четырнадцатое августа, около трёх часов одиннадцати минут по Гринвичу.

— Ты уверен?

— Я проверил трижды. Потом проверил по-другому. Результат тот же.

Нора почувствовала, как в груди стало пусто и холодно.

— Значит, Брайт выбрала эту дату не случайно, — сказала она.

— Значит, Брайт выбрала эту дату, зная про линзу, — поправил Ланг. — Или кто-то выбрал её для неё. Нора, я никогда не рассказывал тебе про свой первый сигнал. Расскажу, когда буду уверен. Пока скажу только одно: когда мы откроем архив, нас там ждёт не только Ноэль.

Он развернулся и ушёл, не дожидаясь ответа. Нора смотрела ему вслед и думала о том, что Ланг, который боялся собственных выводов, впервые за много лет сказал вслух то, чего боялся сильнее всего.

Она дошла до своей каюты, но не вошла сразу, а остановилась у двери и долго смотрела на пустой коридор. Где-то внизу, за переборкой, Ян Ковач снова стучал молотком, и звук отдавался в стенах ровными ударами, будто кто-то считал время вслух. Нора подумала, что на стан-

ции даже тишина имеет свой ритм, и что за пятнадцать лет она ни разу не слышала ничего, что было бы просто тишиной.

Нора осталась одна. Она подошла к иллюминатору и посмотрела на Луну. Серый диск был таким же, как и вчера, как и в тот день, когда мать улыбалась ей из окна кабины перед тем, как уйти навсегда. Только сейчас Нора заметила, что на тёмной стороне Луны, почти у самого края, мерцает крошечная точка света, которой не должно было там быть, и она не могла понять, что это: станция, отражение или что-то, что смотрит на неё в ответ.

Войдя в каюту, она достала планшет и открыла файл с расписанием маневра. Дата стояла на месте: четырнадцатое августа, три часа двенадцать минут. Рядом, в скобках, кто-то приписал мелким шрифтом, который не сразу видно: «окно совпадает с фокусом линзы». Нора никогда не писала этого. Она вообще не делилась своими выводами о линзе ни с кем, кроме Ланга, и то частично.

Она прочитала эту строку несколько раз, пока экран не погас сам по себе.

Тогда она поняла: её имя было внесено в протокол на Земле задолго до того, как она сама решила его произнести.

Глава 5
Глава пятая. Аномалия

Станция «Лагранж-4», 2171, день 215

Бортовой журнал «Лагранж-4». Запись 215, 07:10. Температура воды в контуре охлаждения повышена на полградуса, подозрение на засорение фильтра второго насоса. Ночная вахта без происшествий. Сегодня: собрание по двигателю в 11:00, плановый осмотр в медотсеке в 15:00. Экипаж «Дидоны» на тренажёрах с 09:00.

Ханна не спала. Нора поняла это по её голосу ещё до того, как увидела лицо: голос был ровным, но слишком быстрым, с той особой звонкостью, которая появляется у людей, проведших ночь над чем-то, что им очень нравится.

— Вы должны это увидеть, — сказала она вместо приветствия. — Пожалуйста. До того как придёт Теодор и начнёт говорить про шум.

Нора вошла в лабораторию. На ней ещё не выключились ночные лампы, и свет от экранов ложился на стены холодными синими полосами. Ханна сидела на табурете, поджав ноги, как школьница, и её волосы были собраны в узел карандашом, который она, видимо, забыла вытащить.

— Вот, — сказала она и развернула на центральном экране график.

Это была та же линия, которую Нора видела вчера: сигнал Орфея-семь, его пульсы, их время прихода на станцию. Но теперь Ханна нанесла рядом расчётное время, то, которое должно было быть, если бы зонд посылал импульсы через ровное, пустое пространство. Разница между двумя линиями была невелика, всего несколько десятых секунды на каждый импульс. Но она не была случайной.

— Смотрите, — сказала Ханна и провела пальцем по графику. — Здесь все импульсы опаздывают на ноль целых одну десятую. Здесь они опаздывают на две десятых. А вот здесь, в самом конце, приходят на три десятых раньше расчёта. То есть раньше, чем могли бы прийти, если бы путь был прямым.

— Часы зонда могли уйти, — сказала Нора. — Это первое, что нужно проверить.

— Часы проверены по пульсару. Теодор сделал это ещё до того, как вы пришли. Я сверила его данные с нашими, и совпадение почти идеальное. Часы не уходили. Сигнал не опаздывает из-за часов, Нора. Он опаздывает из-за дороги.

— Какой дороги?

Ханна выдохнула и посмотрела на неё так, будто собиралась признаться в чём-то постыдном.

— Той, которую мои родители называли контуром.

Нора молчала. Имя Осе было в её памяти, как пыльная табличка на старом здании: она видела его много раз, но никогда не задумывалась, что за ним стоит. Ларс и Мария Осе работали в группе ранних двигателей станции, когда та ещё строилась на орбите, в начале двадцать второго века по земным часам. Их теория говорила, что вращающееся массивное поле вблизи точки Лагранжа способно сжимать путь выхлопа и тем самым сокращать время разгона. Идея казалась безумной, пока не подтвердилась в лаборатории на вращающемся стенде. Потом финансирование урезали, а эксперимент с большим полем назначили на третью секцию. Там произошла авария. Погибли оба, и тема закрыли навсегда, с формулировкой «нецелесообразна».

— Они говорили, что где-то в космосе есть естественное поле такого рода, — сказала Ханна. — Очень большое. Они назвали его «контуром», потому что оно замыкает путь. Отец

любил шутить, что однажды мы найдём его, а оно окажется размером с Юпитер и будет смеяться над нашими чертежами. Но он никогда не говорил, где его искать.

— Вы думаете, это линза.

— Я думаю, что это то же самое, — сказала Ханна твёрдо. — Линза Ноэль-девять — это и есть большой контур. Если вы посмотрите на её параметры, там всё сходится с тем, что записали мои родители. Угол, масса, радиус фокуса. Даже дрожание, которое они считали ошибкой приборов.

Нора хотела сказать, что это совпадение, что так всегда бывает, когда ищешь нужную картину в шуме. Но вместо этого она спросила:

— Вы показывали это кому-нибудь?

— Нет. Никому. Я боялась, что скажут: «Вы опять про родителей».

— А вы про них?

— Я всегда про них, — сказала Ханна тихо. — Это не новость.

Нора подвинула табурет и села рядом. Ей стало тепло, хотя в лаборатории по-прежнему работал кондиционер, и она впервые за несколько дней почувствовала, что рядом с ней есть человек, который думает о том же самом, но с другой стороны. Не с дрожью в голосе и не с мыслями о смерти, а с упрямством инженера, который не верит в совпадения, пока не проверит их дважды.

— Покажите мне исходные данные по времени прихода, — сказала она. — Без сглаживания. Без вашей модели. Только сырой поток с метками станции и с метками ретранслятора.

— Они будут огромные.

— Пусть будут огромные.

Ханна кивнула и принялась за работу. Минут через двадцать на экране появилась таблица на несколько тысяч строк, и Нора начала пролистывать её, выхватывая участки наугад. Она искала то, что Ханна назвала бы грязью: резкие скачки, пропущенные метки, места, где кто-то вручную подправил значения. Таких мест было удивительно мало. Почти весь поток выглядел гладким, как поверхность озера в безветрие.

— Здесь, — сказала она, остановившись. — Видите этот участок? Метки ретранслятора идут по полчаса, а потом вдруг по двадцать минут. Как будто кто-то стёр кусок времени и вставил обратно.

— Это может быть сбой буфера.

— Может. Но сбой обычно сбивает всё, а здесь сбита только одна часть, и она совпадает с тем самым опозданием.

Ханна посмотрела на таблицу, потом снова на Нору, и её лицо стало серьёзным.

— Значит, мы не первые, кто это заметил, — сказала она.

— Или первые, кто не должен был заметить.

*** * ***

Перед собранием Нора ещё раз спустилась на платформу у сопла. Ханна была там одна. Гаев ушёл обедать, и лампы на галерее горели через одну, так что внизу стоял полумрак, похожий на вечерний. Ханна сидела на металлическом ящике и держала в руках потрёпанную фотографию, которую, судя по углам, носила с собой много лет.

На снимке были двое молодых людей в скафандрах с откинутыми шлемами. Они стояли у недостроенной переборки третьей секции, и за их спинами уходила в пустоту чёрная рама каркаса, с которой ещё не сняли защитные чехлы. Мужчина смеялся, запрокинув голову. Женщина смотрела в камеру серьёзно, почти строго, и в уголке её рта была видна маленькая улыбка, будто она знала что-то, чего не знали остальные.

— Это их последний день, — сказала Ханна, не поднимая глаз. — Фотографировал кто-то из монтажников. Отец потом смеялся, что это единственный снимок, где у него нет лица,

потому что шлем был слишком большой. Не знаю, почему я его ношу. Наверное, потому что в нём всё правильно. Они стоят там, где должны стоять. Работают.

Нора села рядом на ящик. Металл был холодным даже сквозь комбинезон.

— Моя мать тоже пропала на работе, — сказала она. — Не на станции, а на Луне. У неё была привычка оставлять мне записки в карманах курток. Короткие, по одному слову. «Жди». «Ешь». «Не верь ледяным». Последняя была «Вернусь». Я долго думала, что это обещание. Теперь думаю, что это было скорее предупреждение. Она всегда знала, что вернётся не в срок.

Ханна посмотрела на неё.

— И вы поверили?

— Я поверила тому, что могу проверить. Записка была бумажной. Её можно было сжечь или сохранить. Я сохранила.

— Где она сейчас?

— Лежит в коробке с камнем. Вместе с ним.

Ханна молча кивнула и спрятала фотографию в нагрудный карман. Потом сказала тихо:

— Мои родители говорили, что любая теория — это предупреждение, а не обещание. Отец говорил: если формула обещает тебе результат, она врёт. Если она говорит, что произойдёт при определённых условиях, она честна.

— Тогда вы знаете, что ваш контур может не сработать.

— Знаю. Поэтому и хочу проверить его до четырнадцатого. Не для Брайт и не для Земли. Для того, чтобы они не умерли зря.

Нора не ответила. Она смотрела на пустую платформу, на тёмные полосы теплозащиты у сопла, и думала, что каждый человек на станции занимается в сущности тем же самым: строит предупреждение в виде корабля и надеется, что его прочтут вовремя.

*** * ***

Теодор Ланг появился в половине двенадцатого, после собрания по двигателю. Собрание было коротким и скучным, если не считать того, что Юрий Гаев сорвал с себя перчатку и швырнул её на стол, когда кто-то из инженерного отдела предложил «подождать до окончания маневра». Вольски молча поднял руку, и спор закончился. Ханна сидела в углу с красными щеками и не смотрела ни на кого.

Ланг вошёл в лабораторию со своим планшетом и сразу сел на край стола, что было для него необычно. Обычно он стоял, прислонившись к стене, и разговаривал, глядя в окно.

— Ты показала ей? — спросил он Ханну, не здороваясь.

— Показала, — ответила та.

— И что?

— Она сказала, что это грязь в данных.

Ланг усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Здесь всё грязь, — сказал он. — Кроме того, что нам нравится.

Он развернул свой планшет и вывел график, который Нора видела два дня назад: распределение сдвигов частоты по времени. На нём были видны три тонких выступа, расположенные примерно на равном расстоянии друг от друга. Выступы повторялись в каждом цикле сигнала, но их амплитуда была разной: сначала почти одинаковой, потом один вырос, другой уменьшился, и третий стал едва заметен.

— Тройка, — сказала Нора.

— Да. Я видел её в первый день, но решил, что это гармоники. Потом понял, что гармоники так себя не ведут. Они не растут и не уменьшаются, как будто кто-то крутит ручку громкости.

— Кто-то или что-то?

Ланг посмотрел на неё долгим взглядом.

— Нора, я всю жизнь смотрю на небо. У меня нет привычки видеть в нём людей. Но эти выступы похожи на то, что человек рисует, когда хочет показать три кольца. Ты понимаешь, о чём я?

Нора не ответила. Она достала из кармана сложенный лист, бережно развернула его и положила рядом с планшетом Ланга. Это был рисунок из каюты четыре-семнадцать: чёрная точка и три кольца вокруг неё, нарисованные неровной детской рукой.

Ханна подошла ближе и ахнула тихо, почти неслышно.

— Это ваш сын нарисовал?

— В десять лет, — сказала Нора. — За год до того, как не стало.

— Но это то же самое, — сказал Ланг. — Я не могу поверить, что это то же самое.

Нора смотрела на три кольца и на три выступа, которые Ланг вывел на экран, и ей казалось, что разница между ними так же мала, как разница между двумя линиями на вчерашнем графике: всего несколько десятых, но без неё ничего не сходится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.